

Подписывайтесь на
наши социальные сети

S L A V O J
Ž I Ž E K

**DID SOMEBODY SAY
TOTALITARIANISM?:**

5 INTERVENTIONS

IN THE (MIS)USE OF A NOTION

С Л А В О Ъ
Ж И Ж Е К

КТО-ТО СКАЗАЛ «ТОТАЛИТАРИЗМ»?

ПЯТЬ ВМЕШАТЕЛЬСТВ
В (ЗЛО)УПОТРЕБЛЕНИЕ ПОНЯТИЕМ

Перевод с английского
Ксении Майоровой и Софьи Вишневской
под научной редакцией
Александра Павлова

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 316.33
ББК 87.6
Ж70

Перевод оригинального издания
Slavoj Žižek
Did Somebody Say Totalitarianism?
Five Interventions in the Mis(ue) of a Notion

Печатается с разрешения Verso

Научный редактор — Александр Павлов,
доктор философских наук, профессор, руководитель
Школы философии и культурологии факультета гуманитарных
наук Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник,
руководитель сектора социальной философии
Института философии РАН

Жижек, Славой.

Ж70 Кто-то сказал «тоталитаризм»? Пять вмеша-
тельств в (зло)употребление понятием / Славой
Жижек; [пер. с англ. К. С. Майоровой и С. О. Виш-
невской, под научной редакцией А. В. Павлова. —
Москва : Издательство АСТ, 2026. — 320 с. — (*Сла-
вой Жижек. Симптом эпохи*).

ISBN 978-5-17-162058-5

Эта книга разозлит благополучных апологетов либеральной демократии и заставит поморщиться тех, кто предпочитает комфортную мораль неудобной мысли.

Понятие «тоталитаризма» давно превратилось в идеологический глушитель, блокирующий критику существующего порядка. В книге «Кто-то сказал «тоталитаризм»?» Славой Жижек разворачивает эту логику против самого либерального консенсуса, который ею пользуется.

Философ прослеживает, как складывается современное понятие тоталитаризма из четырёх разнородных нарративов: Холокоста, вынесенного за скобки политического анализа и превращённого в метафизическое Зло; этнорелигиозного фундаментализма, единственным ответом на который признаётся толерантность; сталинского ГУЛАГа, служащего либеральной мысли универсальным аргументом против любого левого проекта; и деконструктивистского мифа о тоталитаризме как онтологическом «замыкании» — попытке общества полностью совпасть с самим собой.

За каждым из этих нарративов, показывает Жижек, стоит не анализ, а страх перед самой возможностью политического.

УДК 316.33
ББК 87.6

© Slavoj Žižek, 2011
© First published by Verso 2001
© К. С. Майорова, перевод, 2026

ISBN 978-5-17-162058-5

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2026

CONTROVERSIAL, PROVOCATIVE, QUESTIONABLE

17 марта 2026 года я и мои коллеги в секторе социальной философии Института философии РАН завели праздный — частный, а не публичный — разговор на любопытную, но грустную тему. За три дня до этого, 14 марта, в возрасте 96 лет ушел из жизни Юрген Хабермас — великий европейский философ. (Слово «великий» я использую во всем его многообразии и даже не избегаю определенных пафосных коннотаций.) В данном случае, не опираясь ни на какие рейтинги, я предположу, что Хабермас был, пожалуй, главным до недавнего времени здравствующим философом — то есть олицетворял собой *фигуру философа*. Подчеркну, что речь идет не об образе классического философа. Хабермас своими идеями и — что немаловажно — способом присутствия в культуре задавал *стандарт философа как фигуры* в мировом масштабе. Каждый *великий философ* на протяжении истории создавал и культивировал конкретный образ и в итоге входил в *канон*. Иногда (или часто) такой философ менял представления о философии — Бэкон, Кант, Ницше, Маркс, Фуко и т.д.

Однако разговор с коллегами в секторе был не про Хабермаса, а про то, существуют ли после его ухода другие интеллектуалы, которых можно было бы назвать, отвечая на вопрос о главных живых философах в настоящее время. Звучали разные имена, среди прочих — Ален Бадью, Жак Рансьер, Джорджо Агамбен, Бён-Чхоль Хан и Донна Харауэй. Но кажется очевидным то, что теперь лицом

философии — хотим мы того или нет — является Славой Жижек. Вспомнив его, все коллеги, участвующие в разговоре, согласились, что ныне Жижек представляет собой *фигуру философа*¹. Вы можете не соглашаться и вспомнить других живых великих философов. В конце концов, мы говорим не об официальном рейтинге. Я лишь хочу подчеркнуть, какое ныне Жижек имеет значение для современной философии — возможно, большее, чем было до недавнего времени. Как и все великие философы, Жижек — противоречивая фигура. В английском языке есть более удачное прилагательное для этого — *controversial*.

Доминик Финкельде, редактор огромного тома «Путеводитель Bloomsbury по Славою Жижеку», начинает свой текст про интеллектуальную биографию философа с таких слов: «Критики называют его шарлатаном, в то время как поклонники видят в нем великолепие супер-интеллектуала, особенно в качестве публичного мыслителя»². Споры вокруг Жижека вызывает практически всё — начиная с его внешнего вида, продолжая манерой излагать мысли на бумаге (не буду называть это стилем письма) и заканчивая неправильными политическими оценками. Не меньше споров вызывают его идеи. Это ожидаемо, потому что его идеи часто провокативны, причем провокативны намеренно — нередко это просто провокации как таковые. Свою музыкальную пародию на Славою

¹ Здесь я скажу, что в книге «От Агамбена до Жижека: актуальные критические теоретики» есть почти все названные фигуры — Агамбен, Бадью, Харауэй, Раньсер, а еще Негри, Спивак и др. Жижек в книге последний, но потому, что теоретики там расположены в алфавитном порядке: *From Agamben to Žižek: contemporary critical theorists* / Simons J. (ed.). Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010.

² *Finkelde D. Žižek's Intellectual Biography // The Bloomsbury Handbook to Slavoj Žižek* / Finkelde D. (ed). London: Bloomsbury Academic, 2026. P. 3.

Жижека артист Клемен Слаконија начинает так: *I am a philosopher. I like to provoke* («Я философ. Я люблю провоцировать»). Если вы еще не поняли, к чему все идет, то настало время вспомнить, что перед вами — предисловие к книге Славоя Жижека «Кто-то сказал “тоталитаризм”?». Если название этого текста вам провокативным не кажется, то, может быть, стоит обратиться к содержанию.

Названный выше «Путеводитель Bloomsbury по Славою Жижеку» вышел только что — в 2026 году. Из десяти крупных разделов тома пять посвящены главным книгам Жижека. Эти разделы, названные «Работы» (*Works*), организованы тематически: хотя у них нет подзаголовков, мы понимаем, какой из них посвящен книгам Жижека про кино, а какой — сочинениям про религию. Что ж, ни в одном разделе рассматриваемая работа о тоталитаризме не представлена. Она даже не упоминается в интеллектуальной биографии, написанной Домиником Финкельде. Неприятное объяснение этого упущения может заключаться в том, что несколько десятков человек попросту забыли об этой книге Жижека, или, что еще хуже, помнили, но сочли ее недостойной подробного разбора, в отличие от «Щекотливого субъекта»³, который уже вышел в Издательском проекте «Лёд», и «Параллаксного видения», которое в проекте «Лёд» скоро выйдет. Менее неприятная версия может звучать так: «Кто-то сказал “тоталитаризм”?» — слишком провокативная, чересчур неудобная книга, о которой не ясно, как писать, поскольку она оскорбительна для многих леволиберальных ученых и тех левых и либералов, кто увлекается интеллектуальными штучками. Или же попросту она оскорбительна для всех. Например, философ Келси Вуд называет ее одной «из самых противоречивых и спорных работ

³ Жижек С. Щекотливый субъект. Отсутствующий центр политической онтологии. Москва: Издательство АСТ, 2024.

Жижека»⁴. Мы, конечно, будем придерживаться второго объяснения заметного отсутствия «Кто-то сказал “тоталитаризм”?» в «Путеводителе Bloomsbury по Славою Жижеку», и в дальнейшем станет ясно, почему.

Тот, кто следит за творчеством Жижека, представленным в русскоязычных переводах, наверняка заметил, что книга «Кто-то сказал “тоталитаризм”?» нам в некотором смысле хорошо знакома. Книга старая, на английском вышла в 2001 году, тем самым в этом — 2026 — году она отмечает двадцатипятилетний юбилей. В тот год у Жижека вышло сразу три книги на английском (кроме данной, еще «Страх настоящих слез: Кшиштоф Кисловский между теорией и пост-теорией» и «О вере»⁵), так что «Кто-то сказал “тоталитаризм”?» стала пятнадцатой работой Жижека, изданной на английском в западных издательствах (опубликованные на английском и изданные в Загребе работы мы не берем в расчет). К тому моменту, после публикации его первой англоязычной книги «Возвышенного объекта идеологии» в 1989 году, Жижек уже прочно закрепился в статусе «звезды». В России его тексты начали появляться как минимум с 1996 года; подробную библиографию русских переводов к 2003 году можно посмотреть в предисловии Виктора Мазина к «Хрупкому абсолюту»⁶. Первое отдельное издание Жижека

⁴ Wood K. Zizek: A Reader's Guide. Malden — Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. P. 181.

⁵ Zizek S. The Fright of Real Tears: Krzysztof Kieslowski between Theory and Post-theory, Bloomington: Indiana University Press, 2001. Zizek S. On Belief, New York: Routledge, 2001.

⁶ Мазин В. Жижек и его другие // Жижек С. Хрупкий абсолют, или Почему стоит бороться за христианское наследие. М.: Художественный журнал, 2003. С. 25-26. В библиографии содержатся неточности. Например, первая часть «Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия» вышла в первом номере «Искусства кино» в 1998 году, а не в 2000 году. См.: Жижек С. Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия // Искусство кино. 1998. №1.

в России появилось в 1999 году⁷, за ним последовали «Добро пожаловать в пустыню Реального» (2002), «13 опытов о Ленине» (2003) и «Хрупкий абсолют, или Почему стоит бороться за христианское наследие» (2003). В 2004 году вышли переводы «То, что вы всегда хотели знать о Лакане (но боялись спросить у Хичкока)», и «Ирак: История про чайник»⁸, а далее история переводов хорошо известна.

Почему же «Кто-то сказал “тоталитаризм”?» должна быть нам знакома? В русском переводе «Хрупкий абсолют» представляет собой гремучую смесь преимущественно двух книг, вышедших на английском: собственно, «Хрупкий абсолют» и «Кто-то сказал “тоталитаризм”?». Часть глав из оригинального «Хрупкого абсолюта» была изъята, а вместо них появились большие фрагменты из оригинального «Кто-то сказал тоталитаризм?». По грубым подсчетам, в русском «Хрупком абсолюте» материала из «Кто-то сказал “тоталитаризм”?» немногим меньше, чем оригинального текста «Хрупкого абсолюта». Кроме того, туда попали главки из других книг — например, «Отцы, всюду отцы» из «Искусства смешного возвышенного»⁹. Зачем так было делать — смешивать в одной книге материал из двух (и более)

⁷ Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999.

⁸ Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999; Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального. М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002; Жижек С. 13 опытов о Ленине. М.: Ad Marginem, 2003; Жижек С. Хрупкий абсолют, или Почему стоит бороться за христианское наследие. М.: Художественный журнал, 2003; Жижек С. (сост.). Все, что вы хотели знать о Лакане (но боялись спросить у Хичкока). М.: Логос, 2004; Жижек С. Ирак: История про чайник. М.: Праксис, 2004.

⁹ Жижек С. Искусство смешного возвышенного: о фильме Дэвида Линча «Шоссе в никуда». М.: Европа, 2011. С. 105-114.

источников? Версии как минимум две. Одна неприятная и циничная. Можем предположить, что Жижек таким образом избегал необходимости соблюдать авторские права на книги, которые были у издательств. Однако есть и более приличное объяснение — в конце концов, он мог сделать мешап и других книг, которых у него предостаточно, а значит причина в чем-то другом. Не исключено, что, хотя тема религии для него безусловно была важна, ему кроме того хотелось как можно скорее донести до русских читателей часть именно этой книги. О том, что конкретно он хотел донести, скажем позже, а пока предстоит разобраться с религией.

То, что «Хрупкий абсолют» и «Кто-то сказал “тоталитаризм”?» для Жижека были близки, очевидно. Так, автор книги про философию Жижека Сара Кай в 2003 году писала: «В последних книгах Жижека любовь продолжает править бал, а религия играет даже более значительную роль. Все три книги — “Хрупкий абсолют” (с подзаголовком “Почему стоит бороться за христианское наследие?”), “О вере” и “Кто-то сказал “тоталитаризм”?» — напрямую затрагивают тему христианства и продвигают (в интерпретации Жижека) его как средство борьбы с пороками капитализма. Христианство никогда не рассматривается с точки зрения веры — Жижек презирует религиозное возрождение, — но как способ осмысления взаимосвязи реальности свободы и символического закона»¹⁰. Келси Вуд, автор одного из самых полезных исследований творчества Жижека (где подробно разобраны все работы философа, вышедшие к 2012 году), в главе, посвященной «Кто-то сказал “тоталитаризм”?», пишет о том, что у ученых вызывает вопросы «христианский материализм» Жижека.

¹⁰ Kay S. Zizek: A Critical Introduction. Cambridge: Polity, 2003. P. 123.

Вуд цитирует одного из критиков, который предположил, что Жижек, возможно, разыгрывает сложную шутку над потомками, пытаясь объединить в своей философии непримиримые элементы марксизма и христианства¹¹.

Сегодня мы можем сказать, что с этим, кажется, разобрались: к 2000 году Славой Жижек стал писать о том, что вскоре превратилось в (радикальную) «политическую теологию». Если кратко, то Жижек утверждал, что христианство и марксизм в диалектическом материализме связывает между собой радикально-освободительный потенциал этического акта (например, любовь к несовершенному человечеству)¹². Уже в «Хрупком абсолюте» Жижек говорил о «материалистическом наследии христианства». Смерть Христа на кресте, с точки зрения Жижека, означала смерть самого Бога-гаранта — она оставляла человека наедине с его свободой и ответственностью. В 2007 году Роланд Бур выпустил книгу «Марксизм и теология», в которой разделил всех марксистов, писавших о религии, на три группы: «библейские марксисты» (Блох и Бенъямин), «католические марксисты» (Альтюссер, Лефевр, Грамши, Иглтон) и «протестантский поворот», куда вместе с Адорно попал и Жижек. Бур рассматривает «Хрупкий абсолют», «О вере» и более позднюю работу «Кукла и карлик» (2003)¹³ как «теологическую трилогию»¹⁴, куда, как видим, «Кто-то

¹¹ Johnston A. Review — The Fright of Real Tears // <https://metapsychology.net/index.php/book-review/the-fright-of-real-tears/> (Доступно 26.03.2026)

¹² Wood K. Zizek: A Reader's Guide. Malden — Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. P. 184-185.

¹³ Жижек С. Кукла и карлик. Христианство между ересью и бунтом. М.: Европа, 2009.

¹⁴ Boer R. Criticism of Heaven: On Marxism and Theology. Leiden - Boston: Brill, 2007. P. xvi.

сказал “тоталитаризм”?» не вошла. И хотя в последней книге действительно много религии (вы убедитесь в этом сами, когда прочитаете ее), очевидно, что «Кто-то сказал “тоталитаризм”?», материал из которой на русском языке буквально вошел в одну из частей «теологической трилогии», была важна не только как «теологический» текст.

Помимо прочего, как я уже сказал, Жижек, кажется, хотел донести некое послание до русских читателей. Но чтобы его понять, сперва нужно разобраться с общим замыслом книги. Для этого нам следует перенестись, скажем, в 1965 год, когда вышла работа французского мыслителя Реймона Арона «Демократия и тоталитаризм», основанная на его курсе лекций¹⁵. Название громкое и в духе последующих западных академических «исследований»: уже по заголовку можно судить о главном тезисе книги — речь в ней пойдет о хороших странах (демократических) и плохих (тоталитарных). Если вернуться в более близкое нам прошлое, можно вспомнить, что в 2001 году Жижек довольно скандально выразил неприятие противопоставления «тоталитаризма» и «демократии», назвав его изначально антирадикальным и вводящим в заблуждение¹⁶. Но, как всегда, дело в нюансах. То, что демократия — хорошо, а тоталитаризм — плохо, очевидно; однако в части про тоталитаризм Арон ожидаемо много пишет про СССР и, конечно, не обходит стороной вопрос сравнения нацизма и Советской России эпохи Сталина. Помимо того, что Арон воспроизводит множество разных точек зрения, он и сам буквально теряется в том, какую же оценку можно дать режимам при сопоставлении.

¹⁵ На русском языке книга вышла в 1993 году: Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993.

¹⁶ Boucher G.M., Sharpe M. Zizek and politics: A critical introduction. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2010. P. 6.

Более того, он упоминает про «Истоки тоталитаризма» Ханны Арендт и вежливо называет книгу «наиболее убедительным обоснованием родства обеих разновидностей тоталитаризма» — лишь затем, чтобы тут же уничтожить эту концепцию. Проблема, на которую указывает Арон, состоит в следующем. Арендт сравнивала СССР 1934–1937 годов и гитлеровскую Германию 1941–1945 годов, так что «было бы несправедливо ставить на одну доску сравнение этих двух периодов и двух типов террора — и режимов в целом»¹⁷. В конце концов, Арон приходит к выводу, что какими бы ни были сходства, у двух режимов есть решающее различие: «В одном случае действует воля к построению нового режима, а может быть, и созданию нового человека, и для достижения этой цели годятся любые средства; в другом — проявляется прямо-таки дьявольская воля к уничтожению некоей псевдорасы»¹⁸. Если учесть, что для Арендт тоталитаризм — это новый политический режим, а сталинский СССР и гитлеровская Германия были его эманациями, то претензия понятна: сложно называть одним термином два этих разных режима.

Давайте снова перенесемся во времени, на 30 лет — в 1995 год. Советского Союза уже нет, а интерес к тоталитаризму никуда не исчез. В 1995 году, например, вышло две книги: работа Роджера Буше «Теории тирании: от Платона до Арендт», на обложке которой красовались Гитлер, Муссолини, Мао, Фидель Кастро и, конечно, Сталин¹⁹, и книга Саймона Торми «Постижение тирании: интерпретации тоталитаризма»²⁰,

¹⁷ Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993. С. 235–236.

¹⁸ Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993. С. 242.

¹⁹ Boesche R. Theories of Tyranny: From Plato to Arendt. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 1995.

²⁰ Tormay S. Making Sense of Tyranny: Interpretations of Totalitarianism. Manchester: Manchester University Press, 1995.

в которой автор описывал различные теории тоталитаризма (Арендт, Хайек, Маркузе и др.), пытаясь переосмыслить понятие для современного политического анализа. Торми критиковал классическое определение тоталитаризма как системы полного контроля и «промывки мозгов» и предлагал сосредоточиться не на эффектах власти (насколько глубоко она контролирует личность), а на практиках правления. Самое важное, что сам Торми признавал: «тоталитаризм» — это неодобрительный возглас (*boo-word*), который, по его мнению, мы все же должны использовать, одновременно описывая и вынося моральное суждение. В своей рецензии на исследование Торми Джонатан Джозеф указал на идеологическую предвзятость автора и заметил, что понятие тоталитаризма излишне упрощает сложные исторические процессы и используется в политических целях для уравнивания коммунизма и фашизма²¹. Ровно так оно и использовалось, на что в 2001 году обратил внимание Жижек.

Возможно, Жижек сгущает краски и даже домысливает идею о том, что псевдолевые либералы используют «тоталитаризм» как уловку аргументации, — сам автор не удосуживается дать множество ссылок, чтобы показать масштаб проблемы. Однако даже при взгляде на такие книги, как исследования Буше и Торми, очевидно, что дыма без огня не было. Тоталитаризм был в некотором смысле востребован среди прогрессивных ученых, и далеко не только в исследовательском плане. Жижек утверждал, что современный либеральный дискурс использует термин «тоталитаризм» не для анализа, а как своего рода «затычку» (*stopgap*). Эта затычка освобождает от необходимости мыслить и активно препятствует новому пониманию исторической реальности. Жижек писал во

²¹ *Joseph J. Making Sense of Tyranny: Interpretations of Totalitarianism // Capital & Class. 1996. Vol. 20. №2. Pp. 159-161.*

введении: «Конформистски настроенные либеральные негодяи могут находить лицемерное удовлетворение в защите существующего порядка: они знают о коррупции, эксплуатации и так далее, но любая попытка изменить ситуацию осуждается как этически опасная и неприемлемая, возрождающая призрак “тоталитаризма”»²². Понятие «тоталитаризм» стало служить для сужения границ допустимого в политике. Любое радикальное действие блокировалось предупреждением: «Разве вы не видите, что это приведет к новому Холокосту?». Такое (зло)употребление «тоталитаризмом» как инструментом политической борьбы против альтернатив либеральному капитализму привело к сакрализации Ханны Арендт, которая в итоге стала удобной фигурой для всех — даже для тех, кто ранее мог не принимать ее по идеологическим соображениям. Жаль, что Жижек не стал оспаривать концепцию Ханны Арендт на материале ее собственной теории, но главное направление его мысли, конечно, берет начало в ее тезисе.

Нападки на «конформистски настроенных либеральных негодяев» были не самым скандальным в книге Жижека. Самое скандальное в ней то, что Жижек «проясняет существенное различие между фашизмом и коммунизмом и выявляет искупительное измерение, которое присутствовало даже в самые мрачные времена сталинизма»²³. Однако он защищал даже не коммунизм — коммунизм защищать легко. Жижек защищал сталинизм, который многие сводят к «тоталитаризму». Как вам такое заявление: сталинистская идеология «даже в своих самых “тоталитарных” проявлениях все еще излучает освободительный

²² Zizek S. Did Somebody Say Totalitarianism? Five Interventions in the (Mis)Use of a Notion. London Verso, 2001. P. 4.

²³ Wood K. Zizek: A Reader's Guide. Malden — Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. P. 180.